

УДК 339

DOI 10.26118/4155.2026.14.69.008

Дивина Татьяна Васильевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС)

Измайлов Роман Георгиевич

ОУП ВО Академия Труда и Социальных Отношений

К вопросу о регулировании процесса трудовой миграции в Российской Федерации

Аннотация. Регулирование трудовой миграции представляет собой один из наиболее сложных и динамичных элементов социально-экономической политики современного государства, находящийся на стыке интересов национальной безопасности, демографического развития, потребностей рынка труда и прав человека. В статье авторами приводится анализ данных о миграционном приросте населения по различным группам населения, а также проанализирована структура численности иностранных граждан, работающих по трудовым договорам и гражданско-правовым договорам, выявленная в результате проверок по федеральным округам РФ. Проведенный анализ позволяет выявить различные тенденции в динамике территориального перемещения населения. Эволюция нормативно-правовой базы и институциональных механизмов регулирования отражает постоянный поиск баланса между либерализацией доступа иностранной рабочей силы и протекционистской защитой внутреннего рынка труда, между упрощением административных процедур и усилением контроля за пребыванием мигрантов.

Ключевые слова: миграция, трудовые ресурсы, миграционная политика, прирост населения, рынок труда.

Divina Tatyana Vasilyevna

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Izmailov Roman Georgievich

Academy of Labor and Social Relations

On the question of regulation of the process of labor migration in the Russian Federation

Abstract. The regulation of labor migration is one of the most complex and dynamic elements of the socio-economic policy of a modern state, located at the intersection of national security interests, demographic development, labor market needs, and human rights. In this article, the authors analyze data on migration growth across various population groups and also examine the structure of the number of foreign citizens employed under employment contracts and civil contracts, as determined by audits across the federal districts of the Russian Federation. This analysis reveals various trends in the dynamics of territorial population movement. The evolution of the legal framework and institutional regulatory mechanisms reflects the constant search for a balance between the liberalization of access for foreign labor and protectionist protection of the domestic labor market, between the simplification of administrative procedures and increased control over the stay of migrants.

Key words: migration, labor force, migration policy, population growth, labor market.

Введение

В современных условиях российская экономика движется по пути достижения полного суверенитета, в т.ч. и в технологической сфере. Такая цель предполагает проведение эффективной кадровой политики, направленной на обеспечение

подготовленными кадрами всех базовых отраслей. Одним из источников трудовых ресурсов в экономике является миграционный прирост населения, который разделяется на потоки населения во внутренней и внешней миграции. Большинство субъектов РФ столкнулись с проблемой недостатка трудовых ресурсов. По этой причине актуальны вопросы кадровой безопасности страны и достижения запланированных показателей экономического роста, что требует глубокого анализа и сопоставления внешних и внутренних вызовов и трендов в развитии миграции. Экономическая безопасность государства тесно связана с миграционными процессами, которые могут как способствовать развитию экономики, так и создавать дополнительные риски. [1]

«В 2022 г. Российская Федерация столкнулась с усилением санкционного давления со стороны ряда «недружественных» государств, что повлекло за собой изменение динамики и структуры потоков трудовой миграции и необходимость исследования новых жизненных реалий.»[2]

Материалы и методы

В своем исследовании Малева Т. и Ляшок В. анализировали обоснованность утверждения о наличии дефицита рабочей силы в России, который наблюдается с 2022 года, оценили масштабы этого кадрового дефицита, выявили факторы его возникновения и предложили меры, необходимые для его компенсации. Авторы отметили, что отраслевое и секторальное перераспределение кадров, а также увеличение заработных плат могут устранить нехватку работников в ключевых отраслях. По мнению авторов, для решения проблемы дефицита рабочей силы необходимо использовать существующие резервы для привлечения рабочей силы и противодействовать ее утечке. Тем не менее, такие меры окажут лишь временное и частичное влияние. Для достижения долгосрочных результатов требуется повышение производительности труда, что подразумевает необходимость реструктуризации экономики, развития высоких технологий, а также инвестиций в образование и человеческий капитал [3].

Ионцев В. А. в своей статье «Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России» ставит под сомнение тезис о достижении «комфортности» рынка труда, аргументируя это структурными дисбалансами. Наблюдаемое снижение уровня безработицы является в большей степени следствием абсолютной убыли трудоспособного населения (вследствие естественной убыли и эмиграции). [4] В статье выделяется зависимость российской экономики от притока низкоквалифицированной иностранной рабочей силы, преимущественно из стран Центральной Азии. Автор указывает на парадоксальность ситуации: несмотря на экономические потрясения 2022 года, численность трудовых мигрантов не сократилась, что свидетельствует об отсутствии у них сопоставимых альтернатив для трудоустройства в странах исхода. При этом подчеркивается, что Россия, в силу сохраняющейся негативной демографической динамики (депопуляции, снижения суммарного коэффициента рождаемости), в долгосрочной перспективе обречена на импорт трудовых ресурсов.

Особое внимание уделяется критике существующей миграционной политики, которая оценивается как неэффективная и фрагментарная. Автор оспаривает распространенные в публичном дискурсе и среди части представителей власти стереотипы, связывающие миграцию преимущественно с ростом преступности. Вместо этого предлагается рассматривать проблему через призму структурных недостатков: отсутствия эффективных механизмов территориального перераспределения мигрантов, что приводит к их концентрации в Москве при наличии обширных незаселенных территорий, и сохранения значительного сектора нелегальной занятости.

Результаты и обсуждение.

Миграционные процессы представляют собой один из ключевых факторов формирования демографического и трудового потенциала территории, оказывая непосредственное влияние на её социально-экономическое развитие. Анализ структуры и

динамики миграционного прироста необходим для выявления глубинных трендов в перераспределении населения, оценки привлекательности регионов и типов поселений, а также для разработки научно обоснованной региональной и демографической политики. В таблице 1 представлены данные о миграционном приросте населения за период 2017–2023 годов, по различным группам населения.

Таблица 1 - Миграционный прирост населения (мужчины и женщины) по полу, возрасту и потокам передвижения

Наименование показателя	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Всего (по территории)	11 878	24 854	85 103	X	29 902	1 958	03 629
Старше трудоспособного	6 625	1 487	3 188	X	2 920	9 778	8 934
Трудоспособное	64 396	1 446	20 286	X	42 501	2 520	11 368
Всего (сельская местность)	47 296	69 469	0 090	951	4 702	19 040	x
Старше трудоспособного	921	225	3 369	673	436	1 390	x
Трудоспособное	14 789	34 765	0 068	701	4 195	15 211	x
Всего (городская местность)	59 174	94 323	75 013	09 425	95 200	0 998	71 649
Старше трудоспособного	3 704	262	9 819	4 244	3 484	1 168	3 175
Трудоспособное	79 185	26 211	00 218	0 659	08 306	2 691	2 161

Источник: [5]

Анализ представленных в таблице 1 данных по миграционному приросту населения с разбивкой по возрасту и типу местности за период 2017–2023 годов позволяет выявить ряд существенных тенденций в динамике территориального перемещения населения.

Общий миграционный прирост по территории демонстрирует значительную межгодовую вариацию, достигая максимального значения в 2021 году (429 902 человека) и минимального – в 2022 году (61 958 человек), что может свидетельствовать о влиянии экстраординарных социально-экономических или эпидемиологических факторов на мобильность населения в соответствующие периоды. Необходимо обратить внимание на отрицательное значение прироста в 2022 году для населения трудоспособного возраста в целом по территории (-2 520 человек), что контрастирует с положительными значениями в другие годы и указывает на возможный отток экономически активной части населения или изменение миграционных потоков в условиях внешних шоков.

Возрастная структура миграционного прироста характеризуется устойчивым доминированием категории трудоспособного населения, что соответствует общемировым закономерностям трудовой миграции. [6, 7]

Однако в 2022 году наблюдается аномальная ситуация, когда общий положительный прирост обеспечивается исключительно возрастной группой старше трудоспособного возраста (19 778 человек), в то время как трудоспособная когорта теряет население. В 2023 году баланс восстанавливается, и основная доля прироста вновь

приходится на трудоспособное население (111 368 человек), хотя его объем остается существенно ниже пиковых значений 2021 года.

Наиболее структурные диспропорции в миграционных процессах проявляются при рассмотрении данных в разрезе типа местности. Городская местность на протяжении всего анализируемого периода, за исключением 2020 года, характеризуется стабильным и значительным положительным миграционным сальдо. Максимальные объемы притока населения в города фиксируются в 2021 году (395 200 человек), при этом основную долю мигрантов также составляют лица трудоспособного возраста (308 306 человек). Это подтверждает действие центростремительных сил урбанизации и концентрации экономических возможностей в городских агломерациях.

В противоположность этому, динамика миграционного прироста для сельской местности отличается крайней нестабильностью и преобладанием отрицательных значений. За семь лет лишь в 2019 и 2021 годах наблюдался чистый приток населения в сельскую местность (10 090 и 34 702 человека соответственно), причем в 2021 году он был обеспечен почти исключительно трудоспособным населением (34 195 человек). В остальные периоды, особенно в 2017, 2018 и 2022 годах, фиксируется интенсивный отток населения из сельских территорий. Данная устойчивая депопуляционная тенденция свидетельствует о глубоких структурных проблемах сельских районов, связанных с ограниченностью рынка труда, социальной инфраструктуры и перспектив развития, что ведет к оттоку наиболее мобильных и экономически активных возрастных групп.

Сравнительный анализ двух типов местности позволяет констатировать, что положительный общий миграционный прирост по территории в целом обеспечивается исключительно за счет городских поселений, которые не только аккумулируют внутренних мигрантов из сельской местности, но и притягивают внешних. Сельская же местность, за редкими исключениями, выступает донором населения для городов, что усугубляет региональные диспропорции и требует разработки дифференцированной региональной политики, направленной на сдерживание депопуляции сельских территорий и создание условий для закрепления в них населения, особенно трудоспособного возраста.

Значительное сосредоточение численности легальных иностранных трудовых мигрантов в Центральном, Северо-Западном, Дальневосточном федеральных округах, в остальных округах отмечено снижение удельной численности легальных трудовых мигрантов относительно 2017 г. (табл. 2).

Таблица 2 - Структура численности иностранных граждан, работающих по трудовым договорам и гражданско-правовым договорам, выявленная в результате проверок, в РФ в разрезе федеральных округов, %

Федеральный округ	2017 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Центральный федеральный округ	4,9	5,9	0,4	,0	4,9	4,4
Северо-Западный федеральный округ	,2	0,7	4,1	2,1	,5	5,6
Северо-Кавказский федеральный округ	,6	1,3	5,4	7,1	,0	,7
Южный федеральный округ	4,1	,0	,1	,8	,0	,3
Приволжский федеральный округ	6,2	,8	,0	,3	,7	,1
Уральский федеральный округ	,6	4,7	,0	,2	,9	,6
Сибирский федеральный округ	,8	,3	,5	1,4	,4	,9

Дальневосточный федеральный округ	5 ,5	2 ,2	6 ,7	0 ,0	1 1,6	6 ,5
--------------------------------------	---------	---------	---------	---------	----------	---------

Источник: [5]

Анализ данных, представленных в таблице 2 позволяет выявить существенную пространственно-временную динамику и высокую степень концентрации рабочей силы. Рассматриваемые показатели, выраженные в процентах от общего числа выявленных в каждом конкретном году, не отражают абсолютную численность, но четко демонстрируют сдвиги в географии приложения иностранного труда, что является индикатором изменений в региональном спросе на мигрантов, а также в интенсивности и направленности контрольно-надзорной деятельности.

Наиболее выраженной тенденцией является усиление роли Центрального федерального округа (ЦФО) как главного центра притяжения легальной иностранной рабочей силы, выявленной проверками. Если в 2017 году доля ЦФО составляла 14,9%, то после заметного роста в 2020 году (45,9%) и некоторого снижения в последующие два года, к 2023 году наблюдается резкий скачок до 64,9%, а в 2024 году показатель стабилизируется на уровне 54,4%. Эта динамика свидетельствует о прогрессирующей концентрации экономической активности и, соответственно, формализованного спроса на иностранных работников в столичном регионе и прилегающих субъектах, что также может быть связано с изменениями в механизмах квотирования и особенностях администрирования трудовой миграции.

Значительную изменчивость демонстрируют показатели Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). После относительно умеренных значений в 2017–2021 годах (от 4,6% до 15,4%) в 2022 году доля округа резко возрастает до 57,1%, становясь доминирующей, однако уже в 2023-2024 годах происходит катастрофическое падение до 3,0% и 3,7% соответственно. Подобная волатильность может указывать на временные изменения в миграционных потоках и схемах трудоустройства в регионе, возможно, связанные с единовременными регуляторными или социально-экономическими факторами, а затем с их исчерпанием или ужесточением контроля.

Северо-Западный (СЗФО), Сибирский (СФО) и Дальневосточный (ДФО) федеральные округа показывают волнообразную, но в целом менее доминирующую динамику. СЗФО демонстрирует пик в 2021 году (34,1%), что может быть связано с локальными инфраструктурными проектами или изменением логистики миграционных потоков. СФО достигает максимального значения в 2022 году (21,4%), после чего его доля резко сокращается. Особого внимания заслуживает показатель ДФО за 2022 год, равный 0,0%, что означает полное отсутствие в общероссийской структуре выявленных иностранных работников, оформленных по договорам, в данном округе в указанном периоде. Этот факт требует отдельного изучения, поскольку может отражать как реальное отсутствие легального спроса, так и специфику проведения проверок или массовый переход в иные правовые режимы занятости.

Южный (ЮФО), Приволжский (ПФО) и Уральский (УФО) федеральные округа характеризуются в целом тенденцией к снижению своей доли в структуре выявленных иностранных работников по сравнению с 2017 годом. Например, доля ЮФО сократилась с 24,1% в 2017 году до 3,3% в 2024 году, а ПФО – с 26,2% до 8,1%. Это указывает на относительное снижение значимости этих макрорегионов как центров легализованного привлечения иностранной рабочей силы в контексте общероссийских тенденций, либо на перераспределение миграционных потоков в пользу неформального сектора.

Представленная структура иллюстрирует высокую степень нестабильности и резких перераспределений в региональном размещении иностранной рабочей силы, выявляемой официально. Динамика указывает на сильную зависимость от изменений в регулировании, экономической конъюнктуре в ключевых регионах, а также, вероятно, на смещение каналов трудоустройства и характера контрольных мероприятий. [8]

Чрезвычайно высокая и растущая концентрация в ЦФО подтверждает гипотезу о гиперцентрализации не только экономики, но и формальных моделей трудовой миграции в России, в то время как резкие всплески в других округах носят зачастую временный и неустойчивый характер. Отсутствие абсолютных значений, однако, ограничивает выводы о реальных масштабах явления, оставляя возможность для интерпретации изменений как в контексте реальных миграционных сдвигов, так и в рамках трансформации практик контроля и легализации.

Миграционные процессы выступают одновременно и как ограничитель, задающий рамки для капиталовложений в условиях кадрового дефицита, и как адаптивный ресурс, позволяющий реализовывать крупные инфраструктурные и производственные проекты. [9]

В перспективе эффективность инвестиций будет все в большей степени определяться способностью государства и бизнеса разрабатывать скоординированные политики, которые рассматривают миграцию не как временный инструмент заполнения вакансий, а как стратегический элемент в построении устойчивых, технологичных и конкурентных глобальных цепочек создания стоимости на национальной территории. Это требует перехода от реактивного управления миграционными потоками к их интеграции в долгосрочные инвестиционные стратегии развития. [10]

Заключение. Рынок труда сталкивается с существенными изменениями, вызванными непрерывным технологическим прогрессом и процессами цифровизации. Развитие новых технологий, способствующих автоматизации производственных процессов, приводит к высвобождению значительного числа работников, что в свою очередь может негативно сказаться на уровне занятости. Внедрение искусственного интеллекта, который способен выполнять задачи, ранее требующие человеческого вмешательства, создает риск утраты определенных профессиональных навыков у специалистов.

Перспективы миграции в России зависят от комплексного подхода к решению кадровых проблем, включая привлечение мигрантов, адаптацию образовательной системы и создание благоприятных условий для интеграции в общество. Эти меры могут способствовать не только восполнению дефицита трудовых ресурсов, но и улучшению общего состояния экономики страны.

Список источников

1. Минаков А. В. Трудовая миграция и экономическая безопасность в Российской Федерации / А. В. Минаков, Н. Д. Эриашвили // Инновационное развитие экономики. – 2025. – № 3(85). – С. 100-107. – DOI 10.51832/2223798420253100. – EDN VPCXYP
2. Дивина Т. В. Трудовая миграция в условиях санкций: пример России и средней Азии / Т. В. Дивина, Р. Г. Измайлов // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 103-109. – EDN NYCUNA
3. Малева Т. Дефицит рабочей силы в России: краткосрочные и долгосрочные эффекты / Т. Малева, В. Ляшок // Экономическая политика – 2024 – Т. 19, № 6 – С. 120-153 – DOI 10.18288/1994-5124-2024-6-120-153
4. Ионцев В. А. Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России / В. А. Ионцев // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 2. – С. 90-96. – DOI 10.24412/1994-3776-2023-2-90-96. – EDN AXNOWY
5. Алексеева Н. А. Вызовы и тренды внутренней и внешней трудовой миграции в России / Н. А. Алексеева, И. М. Гоголев, И. А. Мухина // Russian Journal of Management. – 2025. – Т. 13, № 2. – С. 118-126. – DOI 10.29039/2500-1469-2025-13-2-118-126. – EDN VWAVEA.
6. Пастухова К. А. Трудовая миграция в Российской Федерации / К. А. Пастухова // Научные известия. – 2022. – № 26. – С. 212-214. – EDN NGYYFY

7. Сафаров Х. Ш. Трудовая миграция в Российской Федерации: перспективы и недостатки / Х. Ш. Сафаров // Научный аспект. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 1714-1718. – EDN MNZKBH.

8. Коровникова Н. А. Трудовая миграция в регионах Российской Федерации: тенденции, потенциал, перспективы / Н. А. Коровникова // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1(14). – С. 50-64. – DOI 10.31249/snsn/2024.01.03. – EDN JQZCCW

9. Тенденции развития миграции в современной России / А. Н. Аверин, А. В. Понеделков, А. А. Крицкая, К. В. Степанов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 6. – С. 15-20. – DOI 10.24412/2220-2404-2024-6-1. – EDN CVWEEK

10. Current Trends in Global Supply Chain Management Investment Policy / L. G. Chuvakhina, I. Z. Yarygina, V. K. Pospelov, O. A. Drozdov // International Journal of Supply Chain Management. – 2020. – Vol. 9, No. 1. – P. 820-825. – EDN TPQULF

Сведения об авторах

Дивина Татьяна Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

Измайлов Роман Георгиевич, аспирант ОУП ВО Академия труда и социальных отношений, Москва, Российская Федерация

Information about the author

Divina Tatyana Vasilievna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Izmailov Roman Georgievich, postgraduate student of the OUP VO Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russian Federation